

А. К. СВЕТОЗАРСКИЙ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА В РОССИИ¹

Ваше Святейшество!

Ваши Высокопреосвященства, Ваши Преосвященства, всечестные отцы, досточтимые братья и сестры, уважаемые гости!

Прежде всего разрешите мне поздравить вас, все наше высокое собрание, с праздником Покрова Пресвятой Богородицы — престольным праздником Московских духовных школ.

Соединяя времена и эпохи, помяная ушедших в блаженную вечность и устремляясь мыслями в неизведанное будущее, мы сегодня обращаемся к теме, которая приобретает особое значение в этот юбилейный год — год девяностолетнего юбилея восстановления патриаршества в нашей Русской Православной Церкви. О значимости этого события уже достаточно много говорилось на прошедшей 11 октября в Москве, в Зале церковных соборов кафедрального соборного храма Христа Спасителя, научной конференции «Патриаршество в Русской Православной Церкви». Не будем повторяться и в формате нашей традиционной академической актовой речи все же позволим себе некоторый, как говорят литературоведы, «сдвиг жанра». Отойдем немного от нашего академизма ради, как говаривали в старину, «пользы духовного юношества». И да простят нас убежденные сединами и умудренные духовным и житейским опытом иерархи, пастыри времен безбожия, сидящие здесь, в этом зале, наши старшие братья и сестры — труженики родной Академии: известные богословы и скромные, но незаменимые технические и административные работники.

¹ Речь, произнесенная в присутствии Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского Алексия II на Годичном акте Московской духовной академии 14 октября 2007 г.

Вы — представители старшего и среднего поколения людей Церкви, олицетворяя ее традицию, во многом определяете ее сегодняшний день. Но, наверное, многие согласятся с тем, что здесь, в стенах Академии, как-то особенно ощущается вырастающее из этой традиции новое поколение тружеников на ниве Христовой: будущих архипастырей и скромных приходских священников — «народных батюшек», знающих духовные нужды своей паствы, ее сильные и слабые стороны, не различающих в море православного народа богатых и убогих, первых и последних, покрывающих любовью их слабости и немощи. Здесь, в этом зале, быть может, находятся и те, кто, удалившись от мира, пойдут самым тернистым путем — светлой и трудной дорогой иночества и, пройдя тесными вратами скорбей и искушений, отрекшись от мира, будут миру служить и светить, отражая своими чистыми душами свет Христов.

Верим, что в этом зале нашлось место и для будущих богословов, церковных историков, вдохновенных иконописцев, певцов и регентов, которые воплотят в своей жизни и творчестве слова святого Псалмопевца: *Пою Богу моему, дондеже есмь*². И, конечно же, отыщется в этом зале место (и пусть будет его побольше) для чадолюбивых матушек, оттеняющих своей скромностью высокое служение мужей — священников.

Здесь, в этом зале, — будущее Русской Церкви. Но как педагоги мы с вами, начальствующие и учащие, конечно, понимаем, что для того, чтобы это будущее состоялось, необходимо прежде всего, чтобы будущие (или по меньшей мере потенциальные) подвижники и подвижницы благочестия не возгордились от столь высоких и обширных перспектив. А потому — усадим их за привычные школьные парты и начнем открытый урок, который, волнуясь и переживая в присутствии самой высокой в Русской Православной Церкви аттестационной комиссии, проведет некий профессор, удостоенный семнадцать лет тому назад

² Пс. 103, 33.

определением Святейшего Патриарха высокого звания семинарского учителя.

Тема урока: «Патриархи XX века и некоторые задачи современной церковно-исторической науки».

Учитывая подготовленность и компетентность аудитории, ее информированность и любознательность, мы отказываемся от строгого хронологического подхода и последовательного изложения биографических сведений, касающихся жизни и деятельности четырех патриархов XX века: святителя Тихона, Святейших Патриархов Сергия, Алексия I и Алексия II. Относительно приснопоминаемого Святейшего Патриарха Пимена отметим, что до настоящего времени в современной историографии не существует полного и подробного жизнеописания Предстоятеля, возглавлявшего нашу Церковь на протяжении двадцати лет, включая период местоблюстительства. Парадоксально, но факт: мы не имеем возможности в полной мере охарактеризовать личность нашего старшего современника, памятного многим из тех, кто сейчас находится в этом зале. Относительно периода его жизни в 30—40-е годы двадцатого столетия имеются лишь отрывочные сведения самого общего характера: был монахом в миру, регентовал в московских храмах, работал в светских учреждениях, учился, был осужден и познал тяготы ГУЛАГа, воевал, был вновь осужден.

Некоторые конкретные факты биографии патриарха Пимена удалось выяснить лишь в конце 1980-х — начале 1990-х годов усилиями светских исследователей. Так что для вас, будущие Голубинские, митрополиты Макарии, Знаменские и Каптеревы, открывается в данном случае завидная перспектива настоящей исследовательской работы. И Бог вам в помощь.

XX столетие только что завершилось на нашей памяти торжествами, посвященными 2000-летию Воплощения Бога Слова, великим освящением храма Христа Спасителя и прославлением Собора новомучеников и исповедников Российских. Круг истории замкнулся: пострадавшие в первой половине XX века были торжественно прославлены на его исходе. Такое в истории бывает не-

часто, чтобы одно столетие вместило в себя полный цикл взаимосвязанных исторических событий. Кроме того, завершился (немного ранее, в начале 1990-х годов) и целый период гражданской истории — советский. Реалии, характерные для этого периода, во многом определяли положение Русской Православной Церкви и ее внутреннюю жизнь в минувшем XX веке.

Об этой неразрывной связи истории Церкви и истории нашего народа и Отечества мы, церковные историки, никогда не должны забывать, какой бы период ни привлекал наше внимание как исследователей, тем более если речь идет о периоде советском, когда любое изменение в общем курсе партийно-государственной политики сказывалось самым существенным образом на положении Русской Православной Церкви и других конфессий. Об этом необходимо помнить всегда. В противном случае история Церкви «повиснет в воздухе», замкнется сама в себе так, как это было в советские подцензурные времена, когда такой ущербный подход («занимайтесь, если это так уж неизбежно, своими внутренними делами и не дерзайте обобщать и систематизировать»), такая вот суперклерикализация подхода к явлениям церковной истории диктовались «власть держащими», и, несомненно, не без выгоды для себя.

Казалось бы, подобный подход в наши дни должен был навсегда уйти в прошлое. Но нет! В новейших исследованиях, как заклинание, повторяется мысль о том, что митрополит (а впоследствии — Святейший Патриарх) Сергей (хотя авторы подобного рода работ предпочитают именовать его исключительно митрополитом), подписав и опубликовав известную «Декларацию о лояльности» 1927 года (кстати, это еще один юбилей уходящего 2007 года — 80-летие этого важного исторического документа), не избавил Церковь от гонений, а ее членов — архипастырей, пастырей и мирян — от репрессий. И в качестве «подтверждения» своего «неоспоримого положения» авторы «антисергианских» исследований приводят действительно неоспоримые факты, иллюстрирующие разгром церковных структур и почти поголовное истребление епископата в годы «большого террора», то есть в 1937—1938 годах (кстати, еще один «юбилей»).

Но, дорогие юные церковные историки, произошло это десять лет спустя после опубликования упомянутого документа, и за это время в стране произошли грандиозные изменения. Закончился период нэпа, был взят курс на индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. Советский Союз по замыслам (вполне реализованным) коммунистических вождей должен был в кратчайшие исторические сроки превратиться из аграрной страны в мощную индустриальную державу. В жертву приносилась деревня с ее традиционным укладом, параллельно жестоко подавлялась потенциальная оппозиция (интеллигенция, Церковь) и — оппозиция вполне реальная, существовавшая в рамках ВКП(б). За этот период (с 1927 по 1937) в стране сменилась правящая верхушка, с 1936 года утвердилось единовластие И. В. Сталина и его ближайшего окружения. Был озвучен тезис об обострении классово-борьбы (а люди Церкви — классовые враги) по мере приближения к построению социализма.

Так что, уж простите, тезис о том, что «митрополит Сергей, пытавшийся ценой компромисса с безбожной властью избавить Церковь от уничтожения и проявивший при этом “преступную недальновидность”», выглядит в этом контексте детски наивным. Такого зигзага в политике партии большевиков не могли себе представить ни многие «творцы нового мира», отправившиеся вскоре в круги ГУЛАГовского ада, ни тем более митрополит (впоследствии — Святейший Патриарх) Сергей, создававший легально существующие и признанные властью *de jure* церковные структуры, не признававшиеся большевиками с 1922 года, в условиях нэпа и идеологии «сменовеховства».

Был ли альтернативный путь развития церковной жизни в условиях складывавшейся тоталитарной коммунистической системы? Был. И многие искренние и гораздо менее гибкие иерархи пошли по этому пути, увлекая за собой клир и паству. Многие из них стали героями веры, мучениками, и их бескомпромиссная позиция по отношению к гонителям вызывает у нас искреннее восхищение. В сонме новомучеников и исповедников

Российских прославлены и те, кто сохранил общение с митрополитом Сергием, и те, кто встал к нему в оппозицию. Совместное почитание новомучеников, кстати, во многом способствовало уврачеванию разделения между нами и Русской Православной Церковью Заграницей. Ее иерархи, клирики и миряне, принявшие в свои сердца мученический подвиг «сергиан» как истинных свидетелей Христовых, вошли в евхаристическое общение с Русской Православной Церковью, а те, кто продолжал отрицать полноту благодатной жизни в Церкви на Родине (а одним из ярчайших проявлений этой благодатной жизни как раз и является мученичество за Христа), ушли в раскол.

Но, как говаривали в старину, «на прежнее возвратимся». И так, было два пути развития церковной жизни. Легализация с неизбежным восстановлением государственного контроля — путь митрополита Сергия. Обратимся к реалиям того времени. В условиях СССР с начала 30-х годов XX столетия не было таких общественных институтов, которые не контролировались бы тоталитарной государственной машиной, будь то общество бывших выпускников Александровского лицея, кружок любителей московской старины или поклонников тропической флоры и фауны. Начиная с конца 20-х годов разного рода общественные объединения аннулировались зачастую вместе со своими активными членами. Все оставшееся реорганизовывалось и ставилось под контроль. И при этом в таких немислимо трудных внешних обстоятельствах сохранилась Русская Православная Церковь, для которой не предполагалось никакого места в надвигающемся «светлом будущем». Более того, в ее лице сохранился идеологически не совместимый с коммунизмом, но при этом реально существующий общественный институт (выражаясь языком секулярным), который объединял миллионы приверженцев.

Сохранение легальных церковных структур, единого канонического центра — историческая заслуга патриархов XX века и их ближайших сподвижников. Да, Церковь была оттеснена на периферию общественной жизни, в ее внутренние дела бесцеремонно и властно

вмешивались спецслужбы и их дочерние организации, навязывавшие (и порой весьма успешно) людям Церкви свою волю. И все же на исходе советского периода Русская Православная Церковь смогла вступить на широкую ниву общественного служения в дни, как это принять говорить, «второго Крещения Руси» и оказала существенное влияние на формирование духовно-нравственного климата в обществе.

Конечно, мы не должны забывать и о том, что у «пути патриарха Сергия» были и свои теневые стороны. Прежде всего — воспитывавшийся годами и десятилетиями в некоторой части людей Церкви (независимо от их иерархического положения) сервильизм в отношении «власть предержащих». Можно отметить и другие негативные явления внутрицерковной жизни, обратившиеся во вредные привычки, требующие постепенного, но неукоснительного изживания. И все же, как нам кажется, этот путь был единственно возможным в тех исторических условиях.

Действуя строгими, порой очень жесткими мерами, митрополит Сергей сохранял единство церковной организации, прекрасно осознавая, что дробление единой канонической структуры на всякого рода местные «автокефалии» и самоуправляющиеся общины, вне зависимости от идеальных устремлений инициаторов их создания, объективно будет на руку гонителям Церкви, уже инспирировавшим к тому времени не одно разделение.

Что же касается альтернативного пути, то он изначально предполагал дорогу мученичества. В силу все тех же причин нелегально действующие общины и тайные монастыри, частные сношения епископов между собой по делам церковного устройства, издание и распространение литературы — все это, согласно тогдашнему законодательству, подпадало под понятие «контрреволюционная деятельность» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако значительная часть церковных людей в те трагические времена устремились по этому пути и приняли мученические венцы. Но путь этот не мог быть всеобщим, а поэтому — в полном смысле слова был альтернативным.

Это был путь избранных не только с точки зрения духовного горения и высокого настроения его приверженцев, но и с точки зрения организации «жизни в катакомбах». Наиболее удачным этот опыт оказался для единичных городских общин, сплоченных духовными руководителями (например, «мечевская община»), состоявших в основном из представителей городской интеллигенции.

Для основной массы православного народа этот путь оказался исторически не самым удачным. Постоянные репрессии, которым подвергались люди, ему следовавшие, привели к тому, что в результате катакомбные общины оказались без епископов и священников. Их место заняли разного рода «старцы», а то и «старицы». Движение во многом стало напоминать беспоповские секты XIX века, столь же бесчисленные, сколь и малочисленные по своему составу.

Не так давно по одному из центральных телеканалов передавали репортаж об одной из таких общин, существовавшей с 1920-х годов в небольшом селе, кажется, в Мордовии. Общиной управляют в настоящее время какие-то «дедушки» и «бабушки», а ее члены не могут четко определить своей конфессиональной принадлежности. Автор репортажа хотел показать в лице этих «истинно-православных» альтернативное «чистое Православие», однако эффект получился обратный.

Объективности ради следует отметить, что у такого яркого явления, как «жизнь в катакомбах XX века», также были свои негативные стороны. Они во многом определялись психологией «людей из подполья»: экстатический эсхатологизм, изоляционизм, ощущение избранности, переходящее в гнушение окружающими людьми, психология человека, живущего в осажденной крепости, нигилистическое отношение к государству, к своим гражданским обязанностям.

В истории всегда присутствует диалектика. И часто бывает, что нечто, бывшее вполне оправданным еще вчера, завтра становится бесполезным и даже вредным. Полагаем, что вполне объяснимая предельная дистанцированность от безбожного государства, стремление укрыть в подполье свою сокровенную жизнь в определен-

ные исторические моменты приводят к «выпадению из истории», неумению сориентироваться в стремительно меняющихся внешних обстоятельствах. Так, например, произошло с некоторыми представителями крайнего крыла «непоминающих», в годы Великой Отечественной войны занявших антипатриотическую позицию. И это тоже исторический факт.

В современной церковной жизни негативное наследие психологического настроения «людей из подполья», увы, продолжает ощущаться, и достаточно сильно. Все тот же «взрывной эсхатологизм», теории заговоров и всякого рода мифотворчество, толки об ИНН, околоцерковная деятельность политизированных радикалов, жесткий тоталитарный характер духовного руководства. Порой больше думают не о совершенствовании духовной жизни, а о том, как бороться с чипом в паспорте нового образца, посредством которого будто бы осуществляется слежение за всеми нами.

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно...

Но вновь «на прежнее возвратимся». Мы с вами знаем, насколько условно общепринятое хронологическое деление исторического процесса на периоды. Вполне понимают это и последовательные критики патриарха Сергия, искусственно ограничивая рассмотрение его церковной политики годами «большого террора».

Разгром церковных структур, физическое уничтожение духовенства и активных мирян. Церковь на грани выживания. Все это должно было свидетельствовать в пользу того, что попытка «спасти Церковь» потерпела полное фиаско. Но патриарх Сергий умер не в 1937 или 1938 году. Он перешел в вечность 15 мая 1944 года, и за этот небольшой временной промежуток в жизни нашей Церкви произошли существенные изменения.

И, конечно, неслучайно, что в особом «Послании пастырям и папосомым Христовой Православной Церкви» от 22 июня 1941 года прозвучал парафраз известной фразы из «Декларации» о «радостях и неудачах». «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь». Изменился

исторический контекст. И фраза наполнилась принципиально новым смыслом.

«Радости и неудачи» Советского Союза, победы и неудачи Красной Армии на тот исторический момент воспринимались как «наши» не только соотечественниками в стране и отчасти за рубежом. Эти радости и неудачи стали своими для миллионов людей на земле, составивших общий фронт сопротивления «коричневой чуме».

О победе под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и под Кенигсбергом молились в храмах русского Зарубежья, в католических и протестантских храмах Европы, Америки и Австралии, в синагогах и мечетях, в буддистских дацанах. Но не молились в большинстве общин «непоминающих», ибо литургическое поминовение связывает воедино прошение «о властех и воинстве». И это тоже исторический факт, на наш взгляд — достаточно красноречивый.

Подвиг наших патриархов в годы войны — подвиг прежде всего молитвенный. Нельзя без волнения читать рассказ, переданный келейником патриарха Сергия, о том, как старец-патриарх молился в ночь, когда решалась судьба Сталинградской эпопеи, нельзя без волнения читать о том, как в осажденном Ленинграде почти непрерывно нес свой молитвенный подвиг будущий патриарх Алексей I.

Не так давно мы отмечали 60-летие великой Победы. К этой знаменательной дате появилось немало интересных статей и монографий, освещающих деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Полагаю, что с этими материалами многие из вас знакомы. Остановимся лишь на самых важных, на наш взгляд, положениях.

В период войны Русская Православная Церковь под патриаршим возглавлением Святейших Патриархов Сергия и Алексея I заявила о себе как о колоссальном моральном факторе в жизни советского общества, явила, невзирая на годы непрерывных гонений, свою жизнеспособность в различных сферах общественного служения. Благотворительность, помощь раненым и сиротам, сборы средств на оборону — все эти традиционные для нашей Церкви

проявления ее жизни были запрещены известным «постановлением о культах» 1929 года, ограничившим деятельность религиозных организаций стенами «культового здания». А теперь, при некотором ослаблении государственного контроля, эти формы служения в одночасье воскресли.

Патриархи военных лет в глазах значительной части населения страны, включая и далеких от Церкви людей, стали фигурами общенационального масштаба, духовными вождями, вдохновившими мощное патриотическое движение.

Под водительством патриархов Сергия и Алексея I Русская Церковь восстановила в очерченных государством рамках течение нормальной церковной жизни, свои структуры (от прихода до Патриархии), возродила систему духовного образования, восстановила традиционные связи с христианским миром. Но главное — сумела ответить на духовные запросы миллионов людей, которые под влиянием скорбей и испытаний возвращались в ее спасительную ограду.

Церковное возрождение в годы войны проходило по обе стороны линии фронта. По ту сторону процесс контролировался и направлялся оккупационными властями, чиновниками из Берлина и командованием германских воинских частей, действовавших в прифронтовой полосе. Церковная жизнь в оккупации, в силу понятных причин, лишь сравнительно недавно стала объектом серьезных исторических исследований, но уже сегодня мы можем говорить о том, что благодаря целому ряду серьезных публикаций общая картина положения Церкви на временно оккупированных немцами и их союзниками территориях достаточно прояснилась, хотя, конечно, в освещении такой сложной исторической темы не обошлось без издержек, без ошибок методологического характера, от которых мне хотелось бы вас предостеречь.

Например, один светский ученый, доктор исторических наук, издал книгу о возрождении церковной жизни на оккупированных территориях, прочитав которую остается лишь воскликнуть: «Спасибо господину гауляйтеру за наше счастливое духовное возрождение». Он писал свою работу по материалам оккупационных газет и вла-

совских пропагандистских листов. Думается, что теперь ему следует продолжить свои изыскания и написать книгу о свободе религии в СССР по материалам газеты «Moscow News» и журнала «Новое время» — изданий пропагандистского характера, предназначавшихся для распространения за рубежом.

А недавно у нас, в Московской духовной академии, защитил кандидатскую диссертацию молодой церковный историк, посвятивший свои труды советскому периоду истории одной из епархий, входивших в число территорий, оккупированных немцами. Работа была интересной с точки зрения фактологии, но с точки зрения методологии — слабоватой. По логике автора выходило, что «люди в рясах» всегда поступали правильно: и когда «вынужденно» служили молебны в день рождения фюрера и в день «начала освобождения России от большевиков» (это — 22 июня, день начала войны), и когда собирали средства на нужды Красной Армии.

Следует уделить внимание еще одной концепции, родившейся не вчера в кругах, мягко говоря, не совсем симпатизирующих Русской Православной Церкви. Согласно этой точке зрения в годы войны наша Церковь оказалась в тисках двух тоталитарных систем, двух антихристианских режимов: советского коммунизма и германского фашизма, между которыми не было принципиальной разницы. Однако наша Церковь времен Святейших Патриархов Сергия и Алексия I никогда не ставила знака равенства между двумя системами; и дело здесь даже не в оккультных истоках нацистской идеологии.

«Свои», если следовать терминологии Л. Н. Гумилева, продолжали восприниматься как «свои», хотя порой (и даже как правило) причиняли Церкви гораздо большее зло, чем «чужие».

Однако и создатели, и идеологи, и простые «винтики» советской тоталитарной машины воспринимались принципиально иначе, чем воспитанные под знаком свастики «белокурые бестии», поставившие на повестку дня вопрос о самом существовании нашего народа.

Не следует забывать, что Русская Церковь, в том числе в лице своих Предстоятелей, всегда рассматривала «этнически православных» как свою потенциальную паству: будь то сталинский нарком,

маршал Советского Союза, участковый инспектор или ломовой извозчик. Она никогда не отказывалась от исторической миссии, завещанной святым равноапостольным князем Владимиром — крестителем Руси.

«Свои» гонители — те, кто отошел от Церкви, прошли в свое время полный или краткий курс Закона Божия или даже богословских наук, который до революции читался во всех высших учебных заведениях. Их крестили при рождении, исповедовали и причащали, наставляли в Законе Божием, и то, что они выступили гонителями Церкви, «воинствующими безбожниками», по здравому рассуждению не могло не ранить в самое сердце их прежних наставников — архипастырей и пастырей, столкнувшихся в страшном противостоянии с продуктами своих «педагогических недоработок».

Последнее обстоятельство не могло не породить в душах людей Церкви чувства вины за упущенные возможности и за неспособность воспитать достойных преемников христианской традиции. Каноническую территорию Русской Церкви захватили после октября 1917 года не инопланетяне и не люди-осьминоги, а те, до сердец которых так и не смогли достучаться при вполне благоприятных условиях добрые и мудрые наставники.

А потому — с нравственной христианской точки зрения знак равенства между «своей» и «чужой» тоталитарной системами поставить было совершенно невозможно. Невозможно, почитая память новомучеников (а это почитание, пусть и сокроуенное, всегда совершалось в Патриаршей Церкви), представлять их подвиг как аналог холокоста, где «нехорошие чужие» избивают «хороших своих».

Такой подход к трагедии Русской Церкви XX века был бы слишком упрощенным. И, тем не менее, он существует, он отражен в современной церковной историографии.

Полагаем, что данное прочтение событий прошлого для нас, людей Церкви, неприемлемо по этическим соображениям, хотя и весьма заманчиво с точки зрения мира сего.

Совсем иное видение проблемы отпавших от Церкви и не вошед-

ших в ее спасительную ограду людей дает нам все тот же Святейший Патриарх Сергий. Вспомним его проповедь, произнесенную 10 августа 1941 года в московском храме св. мч. Иоанна Воина на Якиманке. Тогда, в первые дни войны, когда еще по инерции пропагандистская машина выдавала бодрые сообщения в духе ворошиловской доктрины «война малой кровью на чужой территории», мудрый Первоиерарх, предвидя бесчисленные кровавые жертвы, которые будут принесены нашим народом на алтарь Победы, говорил о христианском долге молитвы за всех, защищающих священные рубежи Отечества, о молитве за всех, павших на поле брани. Он призывал объять христианской любовью всех: и православных воинов, и людей, отошедших от Церкви (а их, прямо скажем, в тот исторический период было немало), и совсем юных мальчишек, родившихся в начале 20-х годов и не получивших религиозного воспитания. «Молиться за всех, а особенно — за отпавших». Таков завет Патриарха.

Не знаю, читал ли эту проповедь современный поэт — автор стихотворения «Родительская суббота», но ему, на наш взгляд, удалось с истинно поэтической интуицией «поймать» отраженное в проповеди Патриарха настроение:

На родительскую субботу
Полагается помянуть,
И особенно — ту пехоту,
Что внезапно отправилась в путь.

Неотпетую, непростеную,
В окружении красных снегов,
И особенно — некрещеную —
Всю, что нас спасла от врагов.

Позвольте еще один поэтический образ — страшную древнюю легенду о юноше, полюбившем прекрасную внешне, но злую и темную душой девушку, которая потребовала от несчастного, ослепленного страстью поклонника в знак доказательства своих чувств принести сердце матери. Юноша вошел в дом, убил мать, рассек

вскормившую его грудь и вынул из нее еще трепетавшее сердце. Переступая порог оскверненного страшным злодеянием дома, он поскользнулся на пролитой крови, упал и выронил из рук материнское сердце. И в тот же момент он услышал тихий материнский голос:

— Ты не ушибся, сынок?

Думается, что именно эта древняя притча может служить самой яркой иллюстрацией к трагическим страницам русской церковной истории XX века.

Единому Богу ведомо, сколько таких вот сынков и дочерей, проблуждав в потемках безбожия и ощутив в своих душах зияющую пустоту, вернулось в родной Дом, в лоно Матери-Церкви, и услышало сквозь слезы покаяния:

— Ты не ушибся, сынок? Ты не ушиблась, дочка?

Среди злобы и безверия, среди моря страданий и тьмы греховных ошибок у нас была Патриаршая Церковь, обнимающая всех любовью Христовой.

Святейший Патриарх Алексий I — Предстоятель Русской Православной Церкви, возглавлявший ее в патриаршем достоинстве на протяжении 25 лет, с 1945 по 1970 год. Неординарная, ярчайшая личность. Аристократ по рождению и воспитанию (внук сенатора и сын камергера Высочайшего Двора), блестяще образованный человек — выпускник Московского университета и Московской духовной академии, монах по призванию и по образу жизни. С его именем в истории Русской Церкви связана целая эпоха. Именно ему суждено было возглавить нашу иерархию после кончины Святейшего Патриарха Сергия. О его долгой жизни (он умер в неполных 93 года) можно говорить часами. Но, увы, нас ограничивает время и поставленная задача — говорить о наших патриархах XX века в контексте актуальных задач церковно-исторической науки. Поэтому — буквально несколько слов в контексте уже обозначенной нами тематики.

Итак, юрист по образованию, специалист в области канонического права, владыка Алексий поддержал в свое время политику митропо-

лита Сергия по воссозданию единого канонического центра церковного управления; разделял он и мысли заместителя Патриаршего Местоблюстителя о необходимости легализации церковной жизни. Он — человек дисциплины и порядка — явно опасался любой «самодеятельности», возникающей на почве церковной жизни.

В 1922—1926 годах он находился в ссылке. В годы ленинградской блокады разделял тяготы военного времени со своей паствой. Вступив на патриарший престол в феврале 1945 года, он стал одной из ключевых фигур послевоенного церковного возрождения в период благоприятных взаимоотношений Церкви и советского государства. Способствовал воссоединению с Русской Православной Церковью зарубежных епархий и приходов и восстановлению авторитета Русской Церкви в православном мире и в среде инославных христианских конфессий.

В отношениях с представителями власти придерживался принципов джентльменского соглашения. Наладив неформальные и взаимно уважительные отношения с «советским обер-прокурором» Г. Г. Карповым, он извлекал из этого сотрудничества немалую пользу для Церкви. Какое-то время искренне верил в возможность «конкордата» с государственной властью, хотя никогда внутренне не солидаризировался с ее идеологией. Убедившись в том, что партийно-государственная политика по отношению к Церкви в конце 1950-х годов круто изменилась в сторону конфронтации, решился на открытый протест, выступив в самый разгар «хрущевского» гонения с яркой апологетической речью на Конференции советской общественности за разоружение 16 февраля 1960 года. Грозил властям уйти на покой, что могло вызвать скандал на международном уровне. И все же в своем противодействии новому гонению он не нашел общественной поддержки: в разгар «хрущевской оттепели» судьба вновь гонимой Русской Церкви не волновала ни западную, ни советскую общественность.

С уходом Хрущева с политической арены прекратилось гонение на Церковь, но восстановить церковную жизнь в прежнем послевоенном объеме так и не удалось. В конце правления патриарха

Алексия I и в правление его преемника патриарха Пимена Церковь, говоря военным языком, пребывала в состоянии глухой обороны. Но при этом она сохраняла и приумножала свой духовный потенциал, благодаря которому смогла выступить на общественное служение в год празднования Тысячелетия Крещения Руси.

С этого исторического момента минуло почти 20 лет. Кардинальным образом изменилась жизнь в нашем обществе, самым радикальным образом изменилось положение нашей Церкви. Произошел перелом в общественном сознании, в определенной мере наши соотечественники избавились от идеологических штампов и пут принудительного атеизма. Миллионы людей вошли в Церковь, восстановившую за минувшее 20-летие многие формы своей деятельности. Конечно, новая эпоха в истории Русской Церкви связана с личностью ее Предстоятеля Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Но эта несомненно значимая эпоха хронологически выходит за рамки нашего повествования. Она — достояние исследователей будущего, равно как и личность последнего в XX веке и первого в XXI веке Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. О роли этой исторической личности будут судить историки следующего поколения, может быть, и из числа тех, кто сейчас сидит в этом зале.

Мы же, современники, приносим нашему Предстоятелю сыновнюю благодарность за его неустанное попечение о благе церковном, за его постоянные труды, направленные на духовное возрождение нашего Отечества.

А теперь, завершая наш открытый урок, обратимся к истокам интересующего нас периода, ко времени святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, а точнее — к его образу, к которому мы совсем недавно прикладывались в день прославления Патриарха-исповедника. Этот памятный день с самого времени установления органично вошел в московскую церковную жизнь, в благочестивую московскую традицию. День этот тих и светел, обрамлен яркими красками золотой московской осени. У раки с мощами святителя-исповедника тихо мерцают лампы, и всех предстоящих в храме

ОТДЕЛ III

охватывает чувство удивительной тишины и покоя... Вспоминаются слова Спасителя: *Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей*³.

В судьбе святителя Тихона пророческим образом отразились будущие судьбы Русской Церкви и ее грядущих Предстоятелей. Избранный на патриарший престол в разгар октябрьских боев 1917 года, под грохот орудий, стрелявших по народным святыням, он одним из первых в числе своих современников понял, что новый порядок вещей устанавливается «всерьез и надолго», что на него теперь «возлагается попечение о всех церквях российских, и предстоит умирание за них во вся дни». И ради этого он жил, ежедневно умирая, изнемогая под тяжестью своего креста. Он стал в глазах миллионов людей во всем мире олицетворением духовного сопротивления беззаконию, творящемуся на российских просторах. Его обличительные послания воспринимались как голос совести, призванный пробудить покаяние в душах тех, кто, поправ заповеди Божии, окунулся в кровавый водоворот революционной стихии. Но при всем том он, вполне возможно, оставив личные симпатии, не сделал ни одного заявления, продиктованного политической конъюнктурой.

Он изведal заточение и испытал в полной мере беспрецедентное давление со стороны новых хозяев жизни, сохраняя при этом благодушие и чувство юмора. В его «покаянных заявлениях» — своеобразных личных «декларациях о лояльности» — слышится и горькое сетование по поводу оставленности прежними сподвижниками, и бодрая решимость и впредь отстаивать единство Церкви. Совсем не боец по складу характера, он был поставлен стражем Дома Господня и, как часовой, не оставил своего поста.

Наверное, поэтому у его святой гробницы так покойно и светло. Урок окончен. Благодарю за внимание.

³Мф. 16, 18.